

Елена Ионова

Бог, напяливший рога

Красненькие сопельки, остренькие
сабельки
Воинов из олова, женщин из ребра.
Вот тебе, хорошенький, алкоголя капелька,
Крови моей чуточка и ведро добра.

Как, катаясь по полу, бьющейся в истерике
Становится круглою, точно шар земной.
Каждой ночью видится, словно рябь
из телека,
Снег идёт на улице, снег идёт за мной...

А вчера под окнами прокатили мальчики
Что-то — то ли голову, то ли коlobка...
Гладь ладошку — накрепко смерть сжимает
пальчики,
Будешь с нею нянчиться раз и на века.

«Вы — соль земли, ищите сахар здесь,
Найдите, но не смейте его есть!»
И мы склоняемся в молитве и надежде.
И небо разверзается на раз,
И застаёт нас дивный чудный глас
Не спящими, в прокуренной одежде,
Без дома или даже топора,
Где нет деревьев — лысая гора,
И лысый вождь неспешно крутит Землю...
И нам дается молоко и мед,
В капусте дети, в небе самолет
И все, что я в других уже приемлю.

Лизнуть в мороз качели, ждать весны,
Оттаивания моей страны
Смотреть на ручейки, даваться диву.
И мама с кружкой выбежит во двор,
Прибережёт до дома разговор,
Чтобы потом ругать нас в хвост и в гриву...
И лошади прекрасны и стройны,
И, может, довели нас до луны,
Но в половину мама ждёт к обеду.
И нам не будет ни луны, ни звёзд.
За лошадьми на снегу навоз...
Я никуда отсюда не уеду.

«Не спи — замерзнешь, не садись на снег,
Не рви цветы — пусть кормится с них
пчёлка».

Здесь звери просят деньги и ночлег,
А ты в руках рабочего посёлка.

И дом вращает в вечную тоску,
И в землю предков, будто сами предки
Хотят его увидеть на боку,
И тянут к нему высохшие ветки,

И топят его — выпрыгнуть успеи...
Сидят на рее или реют чайки,
Беги до детских слюнок и соплей,
До колик в боку и мокрой майки.

На этом месте вырастет тайга,
Как райский сад на почве местных сказов,
И выйдет Бог, напяливший рога,
Гонять по небу звездных лоботрясов.

Спиралится время мышиним горошком,
Растет распинаясь в саду крестоцвет,
И лето мне врет, что осталось немножко —
На рыхлой земле мой останется след,

Идет на зеленый сигнал светофора.
Цветочный горшок, как последний приют,
Мне в руки дают, говорят: «Это фора!»
Но, видимо, тоже бессовестно врут.

И глядя сквозь морок стекла запотевший,
Я вижу невсхожие семечки тел,
Как честно травой прорастает умерший,
Как чисто пророс у ворот чистотел.

Становился кто-то на самый край,
Выводил веселое над толпой:
«Ты постой, постой, наглядеться дай...
Или просто дай, или просто спой!»

Я ходила ночью на тот конец,
Я встречала там всех, кого боюсь,
И стоял над маковкой, как венец,
Лик луны и тонкий терновый куст.

А над речкой плыли туман и дым,
А под сердцем маялась благодать.
И меняла цвет станция Сады,
И хотелось петь или просто дать...

Где луна моя двурога,
Туча кругла, как свинья,
Я создам другого Бога
Для тебя и для меня.

Чтобы жил на Анатольской
Или на площадке «Гать»,
Падал на воде — где скользко,
Нас бичом не смел стегать —

Брал колючий куст крапивы
Или тонкий ивы прут...
Там в конце все будут живы,
А в начале все умрут...

Ольге Ионовой

Глупая девочка с фотками наголо
Выпала ночью, снегом не замело.

Снег отступил, аккурат очертив подол,
А под подолом теплится рок-н-ролл.

Видишь, лежит прозрачная, как стекло,
Бледная девочка, лыбится так светло,

Как на чердачных окнах блестит весна,
Как, разбивая стёкла, визжит шпана.

Канул в ближайшем желобе вешний лёд.
Если подуть и выплакать — всё пройдёт.

Всё осталось так, как прежде,
Вышел месяц из тумана,
Горло резал он надежде,
Как священному барану.

Стала кроткой, как овечка,
Под заснеженным хиджабом
За Зеленым мысом речка,
А вдоль речки ходит баба.

Ищет баба, где же прорубь:
«До крещения успею...
Летел сизый, летел голубь
Со голубицей своею...»

Листья и стебли покрыты тлём,
Дождь идет за холмом...
Лучше б мне было Его землей
Или твоим ребром.

Глазки — что ракушки, в рот вода
С неба — и будет пруд.
Дети твои пусть пасут стада,
Травы на мне растут...

Как заколоченные дома,
Выдох мой задержи.
Дождь принесет от того холма
Капельки, как ножи.